

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 28–40, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 34(091); 94(47).06; 94(517)

Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в.

Почекаев Роман Юлианович¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 (д. 17, ул. Промышленная, г. Санкт-Петербург 198099, Российская Федерация)
 кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории
 права и государства
 ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются сведения российских путешественников об особенностях правового развития Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. До сих пор эти источники использовались лишь для изучения политической и социально-экономической истории Джунгарии и российско-джунгарских отношений. Особенности же правового развития этого государства рассматривались исследователями преимущественно на основе сохранившихся до нашего времени немногочисленных ойратских правовых памятников и сведений китайских источников. Автор впервые предпринимает попытку историко-правового анализа сведений российских путешественников, которые лично наблюдали особенности развития различных сфер правоотношений в Джунгарском ханстве эпохи его расцвета и даже сами становились их участниками. *Методы и подходы.* На основе институционального и сравнительно-правового подходов исследованы записки российских дипломатов, разведчиков, торговцев, что позволило дать характеристику особенностей развития Джунгарии как «степной империи», правители которой объединяли под своей властью кочевые и оседлые народы ряда государств и регионов Центральной Азии. Превращение сравнительно небольшого кочевоего государства в обширную империю с многоукладной экономикой и населением, разнообразным по языку, религии, культуре, сделало неактуальным прежнюю правовую систему ойратов, заставив их правителей обратиться к правовому регулированию новых сфер правоотношений. Исследованы, в частности, особенности правового статуса вассальных по отношению к джунгарским монархам правителей Ташкента, казахских жузов, Восточного Туркестана, правовые основы регулирования хозяйственной, торговой и иной договорной деятельности, система налогов, сборов и повинностей, преступления и наказания, организация суда и судебного процесса, некоторые особенности семейного и наследственного права. Записки российских путешественников, отражающие правовые реалии Джунгарского ханства первой половины XVIII в., позволяют существенно расширить имеющиеся представления об уровне правового развития этого государства. Автор приходит к *выводу* о постепенной модернизации системы правовых отношений в Джунгарском ханстве за счет активного взаимодействия с соседними странами и народами, использования их правового опыта (рецепции), которая, как и само существование Джунгарии, была насильственно прервана в результате завоевания империи Цин.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, российско-джунгарские отношения, «степные империи», записки путешественников, традиционное право, сюзеренитет и вассалитет, торговые отношения, налоговая система, преступления и наказания, суд и процесс, семейные и наследственные правоотношения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162).

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. *Oriental Studies*. 2019;(1):28-40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40

UDC 34(091); 94(47).06; 94(517)

Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Dzungar Khanate

*Roman Yu. Pochekaev*¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. of Juridical Sc., Associate Professor, Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State

ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Abstract. The article analyzes notes of Russian travelers on legal development of the Dzungar Khanate in the early-to-mid 18th c. While South and Northeast Mongolia had been annexed to the Qing Empire, the Dzungar Khanate reached its golden age and began active policy of conquest subjugating the Kazakh Elder and Middle Hordes, Tashkent, Eastern Turkestan. Establishing a large state with nomadic and settled regions, the Dzungar Khanate became the last ‘Steppe Empire’ of Central Asia, and this was reflected in its legal policy. Scholars have analyzed different aspects of legal history of the Dzungar Khanate on the basis of surviving Oirat legal monuments, such as *Ikh Tsaaz* (‘The Great Code’) and edicts of Galdan Khan, as well as data contained in Chinese chronicles. But valuable information on Dzungar law is to be found in notes of Russian diplomats, intelligence officers and merchants who visited the Khanate during the considered period, observed and even participated in legal relations. The article provides an analysis of legal status of vassal states of the Dzungar Khanate: obligations of vassal rulers, supreme jurisdiction of Dzungar khans over the latter, combination of Turko-Mongol and Islamic laws applied to regulate their relations. Economic development of the Dzungar Khanate forced its rulers to regulate different directions of national economic activities including agriculture and industry, status of ‘foreign specialists’ (mostly captives and fugitives from Russia). Trade activities were reflected in special legislation on status of Dzungar and foreign merchants, protection of their interests even in the court. The Dzungar system of taxation was well regulated and included taxes in kind (cattle, armor, clothes, etc.), trade duties, tributes to be submitted by vassal states (in money and textiles), obligations to participate in military campaigns of Khans, support foreign diplomats, etc. There was an advanced system of punishments for crimes in the Khanate, especially if a subject of vassal state offended an ethnic Oirat. At that punishments of noblemen were, as a rule, less severe: they might be sentenced to exile or expropriation. But property crimes of Oirats against foreigners usually were examined by court for a long time and without results. Some notices on the family and succession law show the high status of Khans’ wives and priority of sons from legitimate wives before ones from concubines. So, one can state that notes of Russian travelers contain most valuable information on legal situation in the Dzungar Khanate and substantially differ from the above-mentioned legal monuments and Chinese chronicles. The analysis allows to draw a conclusion on a high level of law and legal relations in the Dzungar Khanate during the early-to-mid 18th c., and its active development (one could also say, ‘modernization’) was forcibly interrupted by the Qing conquest of the Oirat state.

Keywords: Dzungar Khanate, Russian-Dzungar relations, ‘steppe empires’, travelers’ notes, traditional law, suzerainty and vassalage, trade relations, custom system, crimes and punishments, court and procedure, family and succession legal relations

Acknowledgements: Research was granted by the Russian Science Foundation (Project No. 19–18–00162).

For citation: Pochekaev R. Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Dzungar Khanate. *Oriental Studies*. 2019;(1):28-40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40

Введение. К концу XVII в. практически вся северо-восточная Монголия вошла в состав империи Цин, постепенно интегрируясь в маньчжурское политико-правовое пространство. Резкий контраст с северо-восточной и южной Монголией представляет западно-монгольское Джунгарское ханство. В течение XVII в. в политическом и правовом отношениях оно являлось всего лишь одним из монгольских государств, отличаясь лишь большей степенью централизации власти [Почекаев 2018: 23]. Однако в первой половине XVIII в. Джунгарское ханство достигло апогея своего развития, не только сохранив независимость, но и проводя масштабную завоевательную политику и на равных противостоя империи Цин в Центральной Азии и Тибете [Courant 1912].

Попытки джунгарских хунтайджи создать «последнюю степную империю» нашли отражение и в правовых аспектах развития ойратского государства в упомянутый период. Большинство авторов, обращавшихся к различным аспектам правового развития Джунгарского ханства, опираются преимущественно на сохранившиеся ойратские правовые памятники — «Их Цааз» и указы Галдана Бошугту-хана [Гурлянд 1904: 50–91; Кадырбаев 2016; Кадырбаев 2017; Рязановский 1931: 33–70], либо на китайские источники, содержащие сведения о правовом регулировании отношений у ойратов [Чернышев 1990].

Однако ценнейшие сведения об особенностях правового развития Джунгарского ханства содержатся в записках российских путешественников. Эти источники неоднократно привлекались исследователями истории Джунгарии и русско-джунгарских отношений, однако, насколько нам известно, специально как источник по истории права Джунгарского ханства они до сих пор не исследовались. Между тем, их анализ позволяет сформировать принципиально иное представление о ситуации в монгольских государствах, чем складывающееся при опоре только на ойратские и китайские источники [Златкин 1983: 211].

В связи с расширением восточных владений Российской империи (укрепление позиций в Сибири и на Алтае, принятие в подданство казахских жузов) российские власти стали активно налаживать контакты с Джунгарским ханством [Магидович, Ма-

гидович 1984: 138–142]¹. При этом нельзя не отметить, что, несмотря на то, что ойратские правители претендовали на некоторые территории, юридически находившиеся под властью России, в течение первой половины XVIII в. они старались поддерживать с ней дружеские отношения. Джунгарию и подвластные ей центрально-азиатские регионы в 1710–1750-е гг. посетили послы И. Д. Чередов, И. С. Унковский, поручик К. Миллер, гонцы сержанты Подзоров и Филимонов, драгун М. Давыдов со спутниками, разведчики «под прикрытием» вахмистр С. Соболев и поручик Ф. Аблязов, казак М. Асанов, торговцы Т. Балтасев, симбирский житель Кокураев, тобольский дворянин Плотников, тарский «разночинец» И. Ушаков и др. Побывавшие в Джунгарском ханстве с разными целями, они обратили внимание на различные сферы правоотношений — от организации системы управления до регулирования торговли и судебного процесса у ойратов. Некоторые сведения о правовой организации Джунгарского ханства нашли отражение и в записках путешественников более позднего времени — в частности, в трудах российского академика И. П. Фалька, побывавшего в Восточной Сибири, в том числе и на русско-монгольской границе в 1771–1772 гг.

«Степная империя» ойратов: политико-правовая характеристика. Есть все основания считать Джунгарию первой половины XVIII в. не просто централизованным монгольским ханством, а самой настоящей «степной империей» (по определению Р. Груссе [Grousset 2000: 532]), объединявшей под своей властью разнообразные народы и регионы далеко за пределами Монголии. Соответственно, сами ойратские хунтайджи и ханы выступали не только как «национальные» правители ойратов, но и создатели целого ряда вассальных государств.

В первой половине XVIII в. зависимость от джунгарских монархов-хунтайджи признавали правители Восточного Туркестана, среднеазиатских городов-государств Ташкента и Туркестана, казахские ханы и султаны Старшего и Среднего жузов. При-

¹ При этом начиная уже с эпохи Петра I уделялось значительное внимание не только дипломатическим контактам, но и научному изучению территорий, подконтрольных Джунгарии [Акишин 2012; Бейкер 1950: 234–237; Задваев 2006: 12–13].

знавали власть Галдан-Цэрена и некоторые сибирские народы, находившиеся в подданстве России и платившие ясак: как сообщает тарский казачий голова И. Д. Чередов, побывавший в Джунгарии в 1713–1714 и 1719 гг.,² эти «ясачные» платили также «алман» джунгарскому властителю [Кушнерик 2005: 210]. Сохранялась эта практика и десятилетия спустя: факты уплаты «алмана» «ясашными иноверцами» ойратским правителям отмечает драгун М. Давыдов, побывавший в Джунгарии в 1745 г. [РДО 2006: 127].

Лояльность вассальных правителей обеспечивалась традиционной гарантией — передачей в заложники сюзерену близких родственников. Так, подпоручик К. Миллер и его спутник А. Кушелев, в 1738–1739 гг. побывавшие в Ташкенте, вассальном Джунгарскому ханству, упоминают, что сын Жолыбарса, хана казахского Большого жуза, находится в аманатах у «калмык-контаншинцов». Согласно сообщению башкира Т. Балтасева, хан Абу-л-Мамбет и султан Борак в 1743 г. также послали к Галдан-Цэрена своих сыновей, получив от него как вассалы по кафтану из золотой парчи и по собольей шапке [Миллер 2007а: 54; Миллер 2007б: 102, 106, 118; Потанин 2006: 380; РДО 2006: 95–96].

Хунтайджи выступали не только как номинальные сюзерены перечисленных народов и государств: они видели свою задачу в поддержании порядка в них, улаживании споров и разногласий вассальных правителей. М. Асанов, сопровождавший в начале 1745-х гг. казахского хана Абу-л-Мамбета в его поездке в Туркестан, сообщает, что тот вступил в спор по поводу власти в Среднем жузе со своим родственником Сеит-ханом, и оба решили передать его на рассмотрение джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена, причем торжественно оформили это решение в присутствии его наместника — «калмыцкого управителя» [Вяткин 1940: 49–50].³

² С его именем связывается установление отношений России с Джунгарским ханством в целом [Златкин 1983: 226; Слесарчук 2013: 210].

³ Роль джунгарских хунтайджи как верховных арбитров в отношении вассальных правителей являлась логическим продолжением его аналогичной роли в отношении собственных подданных — например, сержант Степан Томский, побывавший в Джунгарии в качестве переводчика в 1752 г., упоминал о разборе «зен-

Особенности правового положения вассальных мусульманских государств под властью Джунгарского ханства нашли отражение и в специфике правового регулирования, в котором сочетались элементы мусульманского и тюрко-монгольского права в гораздо большей степени, чем в государствах Средней Азии, где шариат (по крайней мере, формально) считался доминирующей правовой системой. Так, драгун М. Давыдов, побывавший в 1745 г. в Джунгарии и Восточном Туркестане, приводит слова «зенгорского бухаретина», т. е. жителя Восточного Туркестана по имени Турда о том, что «вера у нас с абдыкарымами [жителями Ферганы. — Р. П.] равно, но токмо закон не равен» (впрочем, не забыв при этом заявить о религии самих ойратов, что «поганая де у них вера, что сырое мясо едят») [РДО 2006: 128–129].

Государственное регулирование хозяйственной деятельности. Правители Джунгарии прекрасно понимали, что обширное государство, претендующее на гегемонию над всей Центральной Азией, не может целиком зависеть от своих соседей — оседлых государств. Поэтому неудивительно, что многие русские путешественники сообщают о том, что они всячески старались развивать собственное земледелие и даже производство [Златкин 1983: 218; Чернышев 1990: 69–71].

В стационарной ставке («урге») Галдан-Цэрена, по сообщению И. П. Фалька, был «огромный и прекрасный сад с плодоносными деревьями и другими растениями». Неудивительно, что после покорения Джунгарии маньчжуры сумели быстро заселить ее китайцами-земледельцами и, как уже отмечалось выше, привлечь к земледелию и самих ойратов [Фальк 1825: 48–49].

Пытался Галдан-Цэрэн поставить на регулярную основу и добычу соли, видя в ней эффективный источник доходов (как за счет торговли, так и за счет налогов). Однако когда в горах, где его работники занимались соледобычей, случилось несколько обвалов, и погибли люди, он официально запретил эту деятельность [Фальк 1825: 34].

Не имея значительного опыта в промышленной сфере, ойраты активно привлекали для организации различных производственных предприятий «русского владельца» (т. е. хунтайджи) спора между небезызвестным Амурсаной и его старшим братом нойоном Чандуром по поводу улуса и подданных [Султаны 2018: 11].

ных предприятий иностранцев. И. Д. Чередов упоминает, что встретил в Джунгарии «тоболского бронника» Т. Зеленовского, которого хотел даже схватить и забрать в Россию, но его ойратские сопровождающие резко воспротивились этому, пригрозив гневом хунтайджи, ибо ремесленник «идет в контайшину землю своею волею» [Памятники 1882: 524–525].

Практика привлечения «иностранных специалистов» продолжалась в Джунгарском ханстве и в дальнейшем. Достаточно вспомнить шведского сержанта И. Г. Рената, прожившего в Джунгарии с 1716 по 1733 гг.: попав туда в качестве пленника (во время нападения ойратов на экспедицию И. Д. Бухгольца), он наладил в ханстве производство артиллерии и вскоре сам был назначен ее начальником [Унковский 1887: 233–234]⁴.

Купцы А. Верхотуров и С. Колмогоров в начале 1740-х гг., Ф. Аблязов и И. Ушаков под 1745 г. и сержант Филимонов под 1751 г., упоминают, что русский беглец И. Михайлов, подобно шведскому сержанту, организовал в ханской ставке «завод медной» для литья пушек. Еще один «колыванских заводов беглой Е. Вязмин, он же Билдяга» (в других источниках — Вяземский), сначала устроил в Яркенде «завод серебряной», который, однако, был «з довольном убытком оставлен и брошен», и энергичный беглец вместо него основал «завод кожевенной и делает кожи красные» [Каменецкий 2013: 26–27; Потанин 2006: 345–346, 381, 384–385; РДО 2006: 158–159].

Отметим, что все упомянутые русские, в отличие от Рената, оказывались на службе у ойратских правителей по своей воле и, соответственно, обладали не просто свободным, но и привилегированным положением, что, конечно же, повышало их заинтересованность в своей деятельности. Естественно, регулирование статуса «иностранных специалистов» не нашло отражения в традиционном праве ойратов, и монархам Джунгарского ханства приходилось самим решать подобные вопросы своими текущими распоряжениями.

Регулирование торговли и договорных отношений. Ойратские правители всяче-

⁴ И. Г. Ренату посвящена обширная библиография, при этом наибольшее внимание исследователи уделяют составленным им картам Джунгарии [Бородаев, Контев 2010; Волобуев 2018; Макшеев 1881; Моисеев 1977].

ски стимулировали развитие торговли. Так, И. С. Унковский, рассказывая о многочисленных контактах с различными торговцами в ставке Цэван-Рабдана, несколько раз упоминает «контайшинных купчин» из числа как ойратов, так и жителей Восточного Туркестана [Унковский 1887: 72–73]. Можно предположить, что речь идет о торговцах, в дело которых вкладывали деньги правители — такая практика имела место еще в эпоху Монгольской империи и в последующих тюрко-монгольских государствах [Почкаев 2009: 189–190].

Купцы А. Верхотуров и И. Ушаков отмечают, что «в зенгорской земле» проживало «своими домами» 33 русских торговца, которые активно вели здесь свои дела и не планировали возвращаться в Россию [Каменецкий 2013: 25; Потанин 2006: 345–346].

Впрочем, торговля в Джунгарском ханстве носила преимущественно меновой характер, и ей занимались представители всех сословий. В рапорте вахмистра С. Соболева, побывавшего в Джунгарии в 1745 г. под видом купца, первый же ойратский нойон, встретивший его в качестве «командующего караула» на территории ханства, предложил ему «товарами с ним меняться» [Потанин 2006: 365]. И. С. Унковский упоминает, что даже в ставке джунгарского хунтайджи ойраты выменивали русские товары на «лошадей, баранов и овчинки» [Унковский 1887: 23].

Вятский купец Ш. Арасланов, побывавший в Ташкенте в 1741–1742 гг., также сообщает, что ойраты покупали в Ташкенте фрукты и ягоды, меха и хлопчатобумажные ткани, у русских — красные кожи и т. п., предлагая взамен баранов, быков, коров и лошадей [Арасланов 2007: 95].⁵

Наряду с торговлей у ойратов применялся также договор найма или аренды: И. С. Унковский сообщает, что к нему «приводили продавать и в наем верблюдов и лошадей» [Унковский 1887: 79].

Договор займа, по-видимому, был одним из наиболее распространенных и вместе с тем проблематичных на предмет исполнения: русские дипломаты и торговцы не раз упоминают о необходимости при-

⁵ Важность торговли скотом для джунгарских властителей подтверждает факт неоднократного обсуждения на переговорах возможности продавать ойратский скот непосредственно в сибирских владениях России [Потанин 1868: 41].

езжать во владения джунгарских хунтайджи для взыскания долгов (в частности, И. С. Унковский в 1722–1723 гг., Кокураев в 1738–1745 гг. и дворянин А. Плотников в 1752 г.). В ряде случаев самому хунтайджи приходилось брать вопрос под свой личный контроль, чтобы его подданные полностью расплатились с русскими кредиторами, а в его отсутствие этим занимались специально уполномоченные им зайсаны [РДО 2006: 165–168; Унковский 1887: 106, 125; Чимитдоржиев, Чимитдоржиева 2012: 116]. Это дает основание считать, что долговые обязательства и гарантии их исполнения не были четко урегулированы, что и объясняло необходимость вмешательства монарха и дачи им императивных указаний в рамках, в общем-то, частноправовых отношений.

Налоги, сборы и повинности. Система налогов в Джунгарском ханстве была достаточно четко регламентированной, включая налоги в пользу как ханской казны, так и местных феодалов. Как писал И. С. Унковский, в пользу хунтайджи регулярно следовало отдавать «добрых» лошадей и скот для войск [Унковский 1887: 149].

Согласно сержанту Подзорову, ойраты в 1740-е гг. в качестве налога отдавали своим феодалам десятую часть скота [Златкин 1957: 85]. По такой же ставке взималась и торговая пошлина: И. Д. Чередов писал, что за приобретенные им в Джунгарии товары он был вынужден заплатить «десятую пошлину» в пользу хунтайджи [Памятники 1882: 524].

Развитие производства влекло появление новых повинностей. И. С. Унковский сообщает, что на обратном пути одна ойратка жаловалась его жене, что каждый год требуют отправить в ханскую ставку 300 женщин, чтобы шить подроспешные одеяния («к латам каюки и платье») [Унковский 1887: 148].

Налоги и повинности в Джунгарском ханстве распространялись не только на ойратов, но и на население вассальных государств. Так, согласно майору Угримову, побывавшему в Джунгарии в 1732 г., города Восточного Туркестана должны были платить ойратам дань золотом (700 лан в год) и тканями («хамы», «басмы» и «зендени»). Однако все больший рост налогов привел к обеднению и сокращению населения, так что некоторые города (в частности, Куча) платили лишь небольшую дань медью [Унковский 1887: 234–235; Чернышев 1990: 68].

Вахмистр кн. Ураков сообщает, что в 1744 г. казахи Старшего жуза платили хунтайджи Галдан-Цэрену «пороху ручного и свинцу», а также «был побор пансырями». Последний вид сбора был, по-видимому, чрезвычайным, поскольку впоследствии один из казахских предводителей обратился к хунтайджи, говоря, что «такой налог ни у дедов, ни у отцов не бывало». [Вяткин 1940: 50–51].

Как и в Монголии в рассматриваемый период, в Джунгарском ханстве не было развитой системы почтовых станций, поэтому русских дипломатов снабжали охраной, верховыми вьючными животными, а также припасами те ойратские феодалы, через владения которых они проезжали, а контролировали количество предоставляемого чиновники хунтайджи [Унковский 1887: 148].

Согласно И. С. Унковскому, ойратским феодалам также приходилось брать «на корм» лошадей русского посольства, которых они затем должны были возвращать сытыми и отдохнувшими [Унковский 1887: 24, 33, 89, 139]. По-видимому, это также являлось одной из повинностей местного населения.

Послы также постоянно отмечают, что в ханской ставке их снабжали продовольствием хорошо [Памятники 1882: 524; РДО 2006: 155, 156; Унковский 1887: 73, 96, 108] — в отличие от их предшественников XVII в., которым нередко приходилось голодать по вине «принимающей стороны». Впрочем, право на получение довольствия имели только дипломаты: русские торговцы были вынуждены сами приобретать продовольствие — причем, как отмечал тобольский дворянин А. Плотников, побывавший у ойратов с торговой миссией в 1752 г., «весьма дорогою ценою» [РДО 2006: 168].

Примечательно, что дипломатических представителей других держав в Джунгарии принимали с подчеркнутым пренебрежением. И. С. Унковский упоминает, что послов империи Цин, монголов и хошоутов (т. е. ойратских правителей Тибета и Кукунора [Златкин 1983: 222–223]) держали «под караулом» и снабжали продовольствием гораздо меньше, чем русских [Унковский 1887: 100].

Аналогичным образом, К. Миллер сообщает, что приехавших с ним казахских послов держали отдельно от русских, плохо кормили, задерживали их прием и т. д. [Миллер 2007б: 113]; по-видимому, ойрат-

ский хунтайджи тем самым выражал свое недовольство направившим их казахским правителям, которые пытались одновременно находиться в подданстве и России, и Джунгарии.

Основной повинностью была воинская, причем количество подлежащих призыву на службу зависело от политической ситуации. Согласно сообщению Т. Балтасова, Галдан-Цэрен требовал от своих вассалов в Ташкенте и казахском Старшем жузе выставить ему для ведения войны 10 тыс. воинов (правда, они сумели собрать только 3 тыс.) [Вяткин 1940: 51].

Сержант Подзоров сообщал, что, проезжая по Джунгарии в 1743 г., вообще не видел мужчин — только женщин и детей [Златкин 1983: 84–85]. Однако во время смуты, последовавшей после смерти могущественного хунтайджи Галдан-Цэрена в 1745 г. вассальные правители перестали выполнять эту повинность: согласно Ф. Аблязову, когда ойраты готовились к войне с «абдалкаримцами», т. е. ферганскими правителями, «как от киргиз-кайсаков, так и каракалпаков (по всем известиям) людей ни сколько не было» [Потанин 2006: 380].

Отметим также, что к середине XVIII в. традиционный тюрко-монгольский сбор, представлявший собой передачу части военной добычи в пользу правителя, в Джунгарском ханстве постепенно начал сходить на нет. Так тобольский дворянин А. Плотников под 1753 г. сообщает, что после набега на казахов хунтайджи были вручены всего лишь «два панцыря, три турки, и киргиских два малчика и две девки маленьких» [РДО 2006: 176–177]. Сам путешественник объясняет скудную долю хунтайджи не слишком удачными результатами набега. На наш взгляд, также следует принять во внимание, что правивший в то время хунтайджи Лама-Дорджи, пришедший к власти в результате переворота, не пользовался широкой поддержкой знати и не мог в полной мере ее контролировать: не случайно тот же А. Плотников упоминает, что во время этого набега действовали «каждый ноен и зайсанг особою командою».

Преступления и наказания, суд и процесс. В отличие от монгольских правителей под властью империи Цин, ойратские ханы старались обеспечивать законность и правопорядок в своих владениях. Это нашло отражение в развитой системе наказаний за уголовные преступления и организации судебного процесса.

При этом нельзя не обратить внимания, что влиятельные представители ойратской знати, как правило, не подлежали чрезмерно суровым наказаниям даже за опасные государственные преступления. И. С. Унковский сообщает, что к хунтайджи Цэван-Рабдану прибыл царевич Санжип, сын калмыцкого хана Аюки, рассорившийся с отцом, который вскоре решил организовать заговор против самого хунтайджи, причем, по некоторым сведениям, даже заручился поддержкой Далай-ламы; ойратский монарх ограничился тем, что конфисковал у Санжипа его людей, а самого его вместе с супругой выслал обратно к Аюке [Унковский 1887: 21–22].⁶ Точно так же, когда до хунтайджи дошли сведения, что его сын и двоюродный брат намерены напасть на русское посольство и ограбить его, чтобы показать, что они не «в холопстве» у России, Цэван-Рабдан пригрозил сыну казнью, а брату — лишь конфискацией его людей [Унковский 1887: 119].

Сержант Филимонов, побывавший в Джунгарии в 1751 г., сообщает, что свергнутый правитель «Цебек-Доржи-Намжи» был лишь сослан в Аксу,⁷ а один из нойонов за поддержание контактов с ним недолгое время провел в заключении, после чего был выслан на границу с Китаем для несения службы [РДО 2006: 155, 157]. Несомненно, простолюдины несли более тяжкие наказания даже за менее значительные преступления.

Сурово наказывались иностранные подданные джунгарских монархов за посягательство на самих ойратов. К. Миллер приводит два примера жестокого наказания казахов джунгарскими чиновниками за преступления против их сородичей. Так, один казах в ставке хунтайджи вступил в драку с местными жителями, одного убил, а другого тяжело ранил камнем, за что его было велено схватить и предать мучительной казни, но поскольку он сам умер от ран, то последовал приказ разрезать его тело на мелкие кусочки и сжечь. В другом случае ойратские чиновники жестоко избили плетью казаха, который вез пленную ойратку в Джунгарию, чтобы обменять ее на свою дочь, попавшую в плен к ойратам: наказа-

⁶ Этому сюжету посвящено специальное исследование [Тепкеев 2016].

⁷ А. Верхотуров, впрочем, уточняет, что в ссылке свергнутый монарх был ослеплен [Каме-нецкий 2013: 27].

ние последовало за то, что он свою пленницу «на публичное посрамление отдавал как своим киргизцам, так и другим калмыцким пленникам» [Миллер 2007б: 108, 120].

Этот пример тем более показателен, что рабство в Джунгарском ханстве было широко распространено и считалось обычной практикой, и торговля рабами происходила даже при ханской ставке. Впрочем, как отмечают русские послы, хунтайджи, стремясь продемонстрировать свою дружбу с Россией, приказывал освобождать русских пленников и отпускать их на родину, предоставляя им даже коней для путешествия [Памятники 1882: 525; Унковский 1887: 142–145].

Когда же имела место обратная ситуация, и ойрат посягал на иностранца, наказание было гораздо менее суровым. Как сообщает И. С. Унковский, один местный житель «обиду учинил» подьячему Козлову и еще одному посольскому, и его повели на суд к зайсану. Судья приказал выпороть виновного, но русские за него вступились, попросив лишь сделать ему внушение; тогда зайсан приказал сорвать с преступника кафтан и отдать потерпевшим, но они и от этого отказались, поблагодарив зайсана, что «право судил». Дипломат пишет, что так им было велено себя вести [Унковский 1887: 107] — вероятно, исходя из знания русскими принципов привлечения ойратов к ответственности за преступления против иностранцев. Точно такая же ситуация имела место в 1751 г., когда русский гонец сержант Филимонов в ханской ставке подвергся нападению местного «калмыка», ударившего его плеткой: русский посланец пожаловался властям, но обидчик был лишь «с некоторым нареканием выслан» [РДО 2006: 155].

Усиление власти ойратских хунтайджи отразилось и в предпринимаемых ими мерах по охране порядка в своих владениях. Так, если И. С. Унковский отмечает, что во время пребывания у Цэван-Рабдана на начале 1720-х гг. ему настоятельно не советовали отдаляться без охраны от ставки правителя, чтобы не стать жертвой разбойников [Унковский 1887: 39, 54], то следующий монарх Галдан-Цэрен старался обеспечивать безопасность не только в собственных владениях, но и в вассальных государствах. Так, поручик К. Миллер сообщает, что когда его караван прибыл в

Ташкент, местные казахи хотели его ограбить, но отказались от своего намерения, когда узнали, что Россия пребывает во «всегдашнем согласии» с Джунгарским ханством и не осмелились нарушить запреты своего сюзерена Галдан-Цэрена. Тогда же до российского посланца дошли вести о разграблении казахами другого торгового каравана, узнав о чем представитель хунтайджи, также находившийся тогда в Ташкенте, тут же предложил К. Миллеру подать по этому поводу жалобу ойратскому монарху [Миллер 2007а: 34, 36]. Впрочем, подобные жалобы далеко не всегда имели последствия. Так, А. Верхотуров сообщал, что когда посланный им в Кашгар с караваном переводчик Ф. Деятелиевский был по пути ограблен и даже ранен, а грабители схвачены и доставлены в ханскую ставку, суд-зарго рассматривал дело долго, но безрезультатно [Каменецкий 2013: 26], — что, как мы убедились выше, было вообще характерно для ойратского суда с участием иностранцев.

Весьма ценным (возможно, даже уникальным) свидетельством является описание И. С. Унковским судебного процесса в ханской ставке с участием одного из представителей русского посольства. Местный житель пришел продавать лошадь, в которой один из русских солдат опознал собственность посольства, указав на «казенное пятно», в результате чего ханский чиновник объявил, что дело будут разбирать десять судей в главном зайсанском суде, «но судей тогда не было». Спор возник 29 мая, участников впервые вызвали в суд 1 июня, но тут же «сказали, что зайсанам не время». Лишь на следующий день солдат с толмачом получили возможность изложить свой иск. Истец был посажен прямо перед судьями, ответчик — слева. Спрашивали сначала солдата, интересовались, как он опознал лошадь, потом «освидетельствовали» названные им приметы. Затем был допрошен ответчик, показавший, что лошадь родилась у него в стойбище, что могут подтвердить «в его аймаке многие люди». Зайсаны объявили, что направят в стойбище своих представителей, чтобы установить, есть ли там в стаде такие же лошади, «объявляя, что лошадь в лошадь будет». «И тако, — повествует далее И. С. Унковский, — до самого отъезда проволочили». В итоге лошадь вернули посольству, но «измученную и к

походу негодную». Когда дипломаты выказали недовольство, им вместо нее «другую, плохую дали, и правого суда не учинили» [Унковский 1887: 94–95]. Как можно увидеть, в суде соблюдалась достаточно четкая процедура и даже проводилось нечто вроде «экспертизы».

Семейные и наследственные правоотношения. О семейно-правовых отношениях в Джунгарском ханстве в записках русских путешественников упоминается весьма скудно и то — относительно монаршего семейства и высшей знати. Традиционно для монгольских государств знатные женщины обладали значительной правоспособностью, участвуя и в политических делах. И. С. Унковский упоминает, что во время официального приема российского посольства рядом с хунтайджи Цэван-Рабданом сидели его старшая жена и внучка, а «подали на земле, десять девок или женщин» [Унковский 1887: 56].

К. Миллер также сообщает, что когда его принимал Манджи-зайсан, представитель хунтайджи, в шатре также находилась и его супруга [Миллер 2007б: 119]. Отметим, что такое отношение к женщинам сохранялось, несмотря на то, что последние джунгарские хунтайджи окружили себя не только ойратами-буддистами, но и тюрками-мусульманами из Восточного Туркестана. Впрочем, отношение к женам у некоторых ойратских правителей было довольно деспотичным, и они находились в полной воле своих супругов. Так, согласно купцу А. Верхотурову, когда хунтайджи Лама-Доржи решил отправить в ссылку свою сестру, за нее попытались заступиться две его жены, и он «на жен своих разгневался», отдав одну из них своему вассальному правителю, а другую — и вообще собственному «чашнику» [Каменецкий 2013: 27].

В наследственном праве в Джунгарском ханстве, как и в чингизидских государствах, предпочтение отдавалось детям от законных жен, а не наложниц. Так «купеческий работник» И. К. Резвых в декабре 1745 г. сообщал о смерти хунтайджи Галдан-Цэрена и о том, что он завещал власть не старшему 25-летнему сыну от наложницы, а младшему, 13-летнему — от законной жены [РДО 2006: 123].

Заключение. Анализ сведений российских путешественников об особенностях правового развития Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. позволяет сделать следующие выводы.

1. Ойратское государство в рассматриваемый период делало ставку на территориальную экспансию, подчинение себе соседних народов и регионов (причем не только монгольских и буддийских, но и тюркских и мусульманских) и на внутреннее экономическое развитие. Эта тенденция нашла отражение и в системе правоотношений — формировании централизованной и четко организованной системы управления (внутри Джунгарии и в вассальных государствах), активном участии государства в правовом регулировании внутренней жизни ойратского общества — вплоть до вмешательства в частноправовые (торговые и производственные) отношения, по сути, выходя на новый уровень правового развития. Фактически Джунгария, правители которой налаживали дипломатические отношения со многими соседними государствами, развивали оседлое хозяйство и даже зачатки промышленности (с привлечением «иностранных специалистов») переживала процесс правовой модернизации, который был насильственно прерван в результате внутренней смуты середины XVIII в. и последующим завоеванием ойратского государства империей Цин.

2. Сведения российских путешественников, лично побывавших в Джунгарии в период ее расцвета и имевших возможность наблюдать регулирование различных сфер правоотношений в этом государстве, а нередко и участвовать в них, являются важнейшим первоисточником, отражающим реально складывавшиеся правовые отношения, направления законодательной деятельности монархов, проблемы правоприменения в некоторых сферах, особенности правового положения вассальных народов и иностранцев. Их информация является ценным дополнением к дошедшим до нас ойратским, монгольским и китайским источникам, на которые прежде опирались исследователи истории Джунгарского ханства при рассмотрении тех или иных аспектов его правового развития.

Литература и источники

- Акишин 2012 — *Акишин М. О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleoburgicaustatica*: сб. ст. к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М.: Древлехранилище, 2012. С. 6–28.
- Арсланов 2007 — «Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741–1742 гг. в Ташкент // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 86–100.
- Бейкер 1950 — *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований / пред. И. П. Магидовича. М.: ИИЛ, 1950. 648 с.
- Бородаев, Контев 2010 — *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // *Түүхийн товчоон*. Т. V. Улаанбаатар, 2010. X. 386–403.
- Волобуев 2018 — *Волобуев В. И.* Карта Джунгарского государства в 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник / науч. ред. Д. Д. Васильев; отв. ред. В. В. Досовицкая. М.: Пробел-2000, 2018 г. 224 с.
- Вяткин 1940 — *Вяткин М. П.* «Сказки» XVIII в. как источник для истории Казахстана // *Проблемы источниковедения*. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 45–60.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типолиграфия Императорского ун-та, 1904. 112 с.
- Задваев 2006 — *Задваев Б. С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 35 с.
- Златкин 1957 — *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: ИВЛ, 1957. 300 с.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758) / 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Кадырбаев 2016 — *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин // *Mongolica–XVII*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 30–34.
- Кадырбаев 2017 — *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казаками: XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 5. С. 2–10.
- Каменецкий 2013 — *Каменецкий И. П.* Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 2. 2013. С. 24–28.
- Кушнерик 2005 — *Кушнерик Р. А.* Дипломатические миссии И. Д. Чередова в Джунгарию во втором десятилетии XVIII в. и их результаты // *Актуальные вопросы истории Сибири*. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: «Аз Бука», 2005. С. 210–213.
- Магидович, Магидович 1984 — *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII в.) / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 320 с.
- Макшеев 1881 — *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1881. 39 с.
- Миллер 2007а — Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 32–55.
- Миллер 2007б — Журнал поездки майора пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера к джунгарскому хану Галдан-Цэрену (3 сентября 1742 г. – 2 мая 1743 г.) // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 101–135.
- Моисеев 1977 — *Моисеев В. А.* В джунгарском плену // *Вопросы истории*. 1977. № 6. С. 209–212.
- Памятники 1882 — *Памятники сибирской истории XVIII века*. Кн. I: 1700–1713. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882. XXXII + 551 с. + XXXIV стб.
- Потанин 1868 — *Потанин Г.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М.: Университетск. тип., 1868. 93 с.
- Потанин 2006 — *Потанин Г. Н.* Наши сношения с джунгарскими владельцами // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VII.

- Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 342–410.
- Почекаев 2009 — Почекаев Р. Ю. Торговцы и государство в тюрко-монгольских ханствах XIII–XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 186–197.
- Почекаев 2018 — Почекаев Р. Ю. Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве // *Mongolica–XX*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 21–29.
- РДО 2006 — Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрин, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
- Рязановский 1931 — Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 + 42 с.
- Слесарчук 2013 — Слесарчук Г. И. Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII в. // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор: [б. и.], 2013. С. 209–212.
- Султаны 2018 — Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сб. документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Тепкеев 2016 — Тепкеев В. Т. Откочевка Санджаба в Джунгарию: причины, ход и последствия // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 96–112.
- Унковский 1887 — Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / изд., пред. и прим. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. XLVI + 276 с.
- Фальк 1825 — Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. Т. VII. Дополнительные статьи по запискам путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1825. 223 с.
- Чернышев 1990 — Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 138 с.
- Чимитдоржиев, Чимитдоржиева 2012 — Чимитдоржиев Ш. Б., Чимитдоржиева Л. Ш. Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в. // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М.: ИВ РАН, 2012. С. 109–127.
- Courant 1912 — Courant M. *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French)
- Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2000. XXX + 687 p. (In Eng.)
- Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2000. XXX + 687 p. (In Eng.)
- Gurlyand Ya. I. *Stepnoe zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletie* [Steppe legislation since the ancient times to the 17th century]. Kazan: Kazan Imper. Univ., 1904. 112 p. (In Rus.)
- Kadyrbaev A. Sh. The Monuments of steppe law 'Zhety-Zhargy', 'Ikh Tsaaz', 'Tsaadzhin Bichik' and cultural relations of Oirats, Kalmyks with Kazakhs during the Qing era. *Mongolica–XVII*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. Pp. 30–34. (In Rus.)

References and Sources

A 'Tale' of the Vyatka merchant Tatar Shubay Arslanov about his trip with a trade caravan to Tashkent in 1741–1742. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdkakh po yuzhnyim stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 86–100. (In Rus.)

Akishin M. O. The Dzungar Khanate in foreign policies of Peter the Great. *Paleobureaucratica*. Coll. works. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012. Pp. 6–28. (In Rus.)

Baker J. N. L. *Istoriya geograficheskikh otkrytiy i issledovaniy* [A history of geographical discovery and exploration]. I. P. Magidovich (foreword). Moscow: Inoizdat, 1950. 648 p. (In Rus.)

Borodaev V. B., Kontev A. V. The Swedish artilleryman I. G. Renat and his Oirat maps. *Tüükhiyn tovchoon*. Vol. V. Ulaanbaatar, 2010. Pp. 386–403. (In Rus.)

Chernyshyov A. I. *Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oyratov v XVIII v.* [Social and state development of the Oirats in the 18th c.]. Moscow: Nauka, 1990. 138 p. (In Rus.)

Chimitorzhiev Sh. B., Chimitorzhieva L. Sh. Materials of the Omsk Archive on Russian-Dzungar relations in the 18th c. *Rossiyskoe mongolovedenie*. Bulletin VI. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2012. Pp. 109–127. (In Rus.)

Courant 1912 — Courant M. *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French)

Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2000. XXX + 687 p. (In Eng.)

Gurlyand Ya. I. *Stepnoe zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletie* [Steppe legislation since the ancient times to the 17th century]. Kazan: Kazan Imper. Univ., 1904. 112 p. (In Rus.)

Kadyrbaev A. Sh. The Monuments of steppe law 'Zhety-Zhargy', 'Ikh Tsaaz', 'Tsaadzhin Bichik' and cultural relations of Oirats, Kalmyks with Kazakhs during the Qing era. *Mongolica–XVII*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. Pp. 30–34. (In Rus.)

- Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th – 18th centuries. *Bulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 2–10. (In Rus.)
- Kamenetsky I. P. A Secret mission of merchant A. Verkhoturou: revisiting the organization of Russian intelligence in Dzungaria in the mid-18th c.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013. No. 2. Pp. 24–28. (In Rus.)
- Kushnerik R. A. Diplomatic missions of I. D. Cheredov to Dzungaria in the 1720s and their outcomes. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Pyatye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina*. Barnaul, 2005. Pp. 210–213. (In Rus.)
- Magidovich I. P., Magidovich V. I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. III. geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (seredina XVII–XVIII v.)* [Essays on the history of geographic discoveries]. Vol. 3. Geographic discoveries and investigations: modern era (mid-17th to 18th c.c.). 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 320 p. (In Rus.)
- Maksheev A. *Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmykov s 1716 po 1733 god* [A map of Dzungaria comp. by the Swede Renat in captivity to the Kalmyks]. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1881. 39 p. (In Rus.)
- A journey of lieutenant Karl Miller (Penza Infantry Regiment) and sub-lieutenant Aleksei Kushelev (land surveyor) within a trade caravan from Orenburg to Tashkent (29 August 1738 – 5 June 1739): materials. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnyim stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 32–55. (In Rus.)
- A trip of major Karl Miller (Penza Infantry Regiment) to the Dzungar Khan GaldanTseren (3 September 1742 – 2 May 1743): travel notes. *Ibid.* Pp. 101–135. (In Rus.)
- Moiseev V. A. In captivity to the Dzungars. *Voprosy istorii*. 1977. No. 6. Pp. 209–212. (In Rus.)
- Moiseev V. A., Nozdrina I. A., Kushnerik R. A. (comps.). *Russko-dzhungarskie otnosheniya (konets XVII – 60-e gg. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniya* [Russian-Junghar relations (late 17th c. – 1760s): documents and excerpts]. Barnaul: Azbuka, 2006. 360 p. (In Rus.)
- Pamyatniki sibirskoy istorii XVIII veka* [Monuments of Siberian history of the 18th century]. Vol. I: 1700–1713. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1882. XXXII + 551 p. + XXXIV col. (In Rus.)
- Pochekaev R. Yu. Merchants and the state in Turko-Mongol khanates: 13th–17th cc.. *Nauchniy Tatarstan*. 2009. No 2. Pp. 186–197. (In Rus.)
- Pochekaev R. Yu. Reports of 17th-century Russian diplomats about the Mongol law. *Mongolica–XX*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018. Pp. 21–29. (In Rus.)
- Polnoe sobranie uchenykh putestestviy po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoy Akademiiy nauk* [A complete collection of scientific journeys across Russia published by the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 7. Travel notes by Academician Falk: additional articles. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1825. 223 p. (In Rus.)
- Posol'stvo k zhyungarskomu khun-taychzhi Tsevan Rabtanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal ego za 1722–1724 gody* [Artillery captain Ivan Unkovsky's embassy to the Dzungar Khong Tayiji Tsevan Rabdan and his travel journal as of 1722–1724]. N. I. Veselovsky (ed., etc.). St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1887. XLVI + 276 p. (In Rus.)
- Potantin G. *O karavannoy torgovle s Dzhungarskoy Bukhariy v XVIII stoletii* [On caravan trade with Dzungar Bukharia in the 18th century]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1868. 93 p. (In Rus.)
- Potantin G. N. Our contacts with Dzungar rulers. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VII. G. N. Potantin. Issledovaniya i materialy*. Almaty: Dayk-Press, 2006. Pp. 342–410. (In Rus.)
- Ryazanovsky V. A. *Mongol'skoe pravo, preimushchestvenno obychnoe* [Mongol law, mostly customary one]. Harbin: N. E. Chinarev, 1931. 306 + 42 p. (In Rus.)
- Sirik V. A. (comp.). *Sultany i batyry Srednego zhuza (vtoraya polovina XVIII v.). Sbornik dokumentov* [Sultans and batyrs of the Middle Horde (mid-to-late 18th c.)]. Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. (In Rus.)
- Slesarchuk G. I. Glimpses the history of Russian-Dzungar relations: early 18th c.. *Stat'i raznykh let*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 209–212. (In Rus.)
- Tepkeev V. T. Sandzhab's departure to Dzungaria: reasons, course and consequences. *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 96–112. (In Rus.)
- Volobuev V. I. *Karta Dzhungarskogo gosudarstva v 1738 g. I. G. Renata kak istoriko-geograficheskiy istochnik* [A 1738 map of the Dzungar state comp. by I. G. Renat as a historical and geographical source]. D. D. Vasiliev, V. V. Dosovitskaya (eds.). Moscow: Probel-2000, 2018. 224 p. (In Rus.)

- Vyatkin M. P. «*Skazki*» XVIII v. kak istochnik dlya istorii Kazakhstana [18th-century 'Tales' as a source on the history of Kazakhstan]. *Problemy istochnikovedeniya*. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1940. Pp. 45–60. (In Rus.)
- Zadvaev B. S. *Zapadnaya Mongoliya v trudakh rossiyskikh issledovateley i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vv.* [Western Mongolia in works of Russian explorers and travelers: 18th to early 20th cc.] A PhD thesis abs. St. Petersburg, 2006. 35 p. (In Rus.)
- Zlatkin I. Ya. *Ocherki novoy i noveyshey istorii Mongolii* [Essays on modern and contemporary history of Mongolia]. Moscow: Vost. Lit., 1957. 300 p. (In Rus.)
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758)* [A history of the Dzungar Khanate: 1635 – 1758], 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 333 p. (In Rus.)

